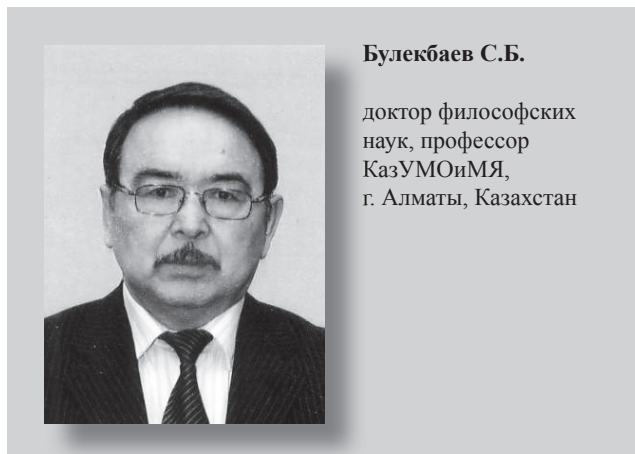

Булекбаев С.Б.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Данный фрагмент является введением к новой книге известного казахстанского философа профессора С.Б. Булекбаева, которая посвящена культурологическим и социально-политическим аспектам сравнительного анализа Востока и Запада в контексте современных геополитических вызовов.

Булекбаев С.Б.

доктор философских
наук, профессор
КазУМОиМЯ,
г. Алматы, Казахстан

В современной отечественной и зарубежной литературе ведутся достаточно интенсивные изыскания в области особенностей и различия развития Востока и Запада. Особенно Востока. Это вызвано тем, что долгое время у большинства европейцев знания о Востоке в силу ряда причин ограничивались достаточно поверхностными представлениями. Если во времена античности только начали говорить о том, что Востоку присущ «деспотизм и варварство», то в XIV веке в европейской мысли эта идея уже была сформулирована в виде концепции «азиатского деспотизма», которая тесно связывалась с отсутствием частной собственности и правовых гарантий личности. А начиная с XVI века, символом такого рода структуры государства стала считаться Османская империя с характерными для нее абсолютной властью султана и произволом администрации.

В Новое время широкую известность получили слова Шарля Монтескье, что «Европа – генний свободы, а Азия – дух рабства», и сравнение Гердера о том, что Китай есть забальзамированная мумия, завернутая в шелк и разрисованная иероглифами. Подобные представления имелись и в работах Дж. Ст. Милля и большинства запад-

ных экономистов того времени. К этим высокомерным и пренебрежительным оценкам, данным Востоку известными людьми Европы можно добавить и высказывание немецкого философа Гегеля, который так сказать подвел теоретическое обоснование отсталости и неразвитости Востока. Согласно Гегелю, высшей формой и подлинной гарантией свободы является современное этому философу европейское государство – с ее конституцией и правами человека. Его теория базируется на следующем представлении. Вся история есть процесс завоевания человеком все большей и большей свободы. Поэтому цель всемирной истории – познание мировым духом самого себя. Человечество, развиваясь, приходит ко все более глубокому пониманию свободы. В этой связи Гегель делит всю историю на три большие эры. Первая – эта Восточная эра (эпоха Древней Индии, Китая, Египта и. т. д.) – где люди еще не осознают свободы, человек здесь безропотно повинуетсЯ либо власти отца в семье, либо власти императора в государстве. В этом обществе пользуется свободой и всеми благами жизни лишь один человек – император, фараон и т. д., а все остальные являются его рабами и слугами.

Западные мыслители статичность и отсталость восточной цивилизации объясняли (причем, как правило, довольно наивно) политическими, экономическими, биологическими либо религиозными факторами. Некоторые видели препятствие общественному развитию в особенностях структуры китайского языка, другие на первый план выносили климатические и даже биолого-почвенные условия.

Наибольший резонанс в Европе получила теория Макса Вебера (1864–1920), который выделял несколько цивилизационных типов общества, каждый из которых более или менее предрасположен к экономическому развитию¹.

Вебер соотносил эту предрасположенность, прежде всего, с религиозно-социальными воззрениями данного общества и напрямую связывал источник западного экономического прогресса с религиозными идеями реформации. По Веберу, «идеальному капиталистическому типу» соответствует протестантская этика, чуждая не только азиатским цивилизациям, но и значительно отличающаяся от прочих христианских конфессий: от католицизма и еще в большей степени от православия. Вебер противопоставлял протестантство именно конфуцианству, всячески подчеркивая, что в конфуцианском обществе экономический прогресс невозможен.

Очень любопытно, что в последние годы, когда экономические успехи стран Восточной Азии стали очевидны, появилась целая серия работ, авторы которых пытаются либо опровергнуть, либо модифицировать теорию Вебера. Более того, успехи Китая, Японии, Кореи и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии объясняются очень часто именно конфуцианским менталитетом и конфуцианской этикой². В общем плане сегодня, «интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (боги и люди), наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все это ныне в центре внимания как самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, так и тем более представителей иной, западной, европейской традиции, чьи генеральные параметры столь отличны от восточных.

Такого рода всеобщий интерес далеко не случаен: конец XX в. с его нависшими над планетой мрачно-апокалиптическими тучами побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоисточков. Кроме того, многое в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографи-

ческими и социокультурными проблемами, пути, решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути, ведущие к их решению, – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого, все возрастающее как абсолютно, так и относительно, живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока»³.

Ну и, наконец, интерес к Востоку в последнее время усиливается и в контексте поиска альтернативы западному пути развития, поскольку в настоящее время, по мнению Торчинова, серьезным ученым все яснее становится тупиковость так называемого «магистрального пути развития мировой цивилизации», то есть американской и западноевропейской модели постиндустриального общества и всего «духа капитализма», стимулирующего все новое и новое потребление...» И может быть, на современном этапе, когда весь мир ввергнут в пучину мирового кризиса, «ценностные установки буддийского монаха, даосского отшельника, конфуцианского «благородного мужа», мусульманского суфия и православного исихаста с их приоритетом духовного делания над круговертью материальных интересов, удовлетворения старых потребностей и расширенного формирования новых, их призыв к преодолению влечений и аффектов, их преданность супраиндивидуалистическим ценностям в большей степени гармонируют с путем выхода из тупиков современной цивилизации и движением к обществу будущего, чем этика накопления и приумножения и «дух предпринимательства»⁴.

Литература:

1. См. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
2. См., например: Кульпин Э.С. Макс Вебер и Китай: что и почему не увидел великий ученый // Проблемы дальнего Востока. 1990. № 3. С. 124–134; Кульпин Э.С. Вебер и Китай: каким его видел европейский ученый // Проблемы дальнего Востока. 1990. № 4. С. 122–131. Цитата по Селищеву.
3. История Востока – 1. – М.: Высш. шк., 1994. Т. 1. – С. 6.
4. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 538–539.